

ПИСАТЕЛЬ — ВРАЧ ИЛИ БОЛЬНОЙ?¹

Проблема «Писатель и медицина» в наше время начинает, увы, приобретать особую актуальность — уже даже безотносительно к возрасту писателя. Вряд ли поэтому кого-то удивит то, что в Пушкинском Доме (Санкт-Петербург) этой осенью прошла Международная научная конференция «Русские писатели и медицина: 200 лет вместе (1820–2020)»².

В центре внимания участников этой конференции была прежде всего проблема «пересечений» (как биографических, так и литературных) русских писателей с медициной: история «медицинского текста» русской литературы и картина «медицинских» аспектов биографии русских писателей не только XIX, но и XX–XXI веков. Так сказать, «двести лет вместе» (1820–2020) непростых и многосторонних творческих и биографических «пересечений» русских писателей с медициной.

При этом детально воссозданная история была представлена в сопоставлении с не менее детальной картиной их нынешних взаимоотношений, поскольку современная русская литература, с одной стороны, самым разнообразным образом питается «медицинским текстом» русской классики и модерна, а с другой — откликается на наиболее острые, болевые точки этих взаимоотношений в том их виде, в каком они предстают перед нами сегодня.

Помимо выступлений литературных критиков и литературоведов о современной русской литературе, состоялся также круглый стол «Писатель — врач или больной?». Провели его писатель и философ Алексей Грякалов (Санкт-Петербург), литературовед и писатель Сергей Кибальник (Санкт-Петербург), литературный критик Сергей Оробий (Благовещенск) и литературовед Сергей Шаулов (Москва).

Для большей предметности разговора был подготовлен список вопросов, кото- рые на нем предполагалось обсудить:

1. Какие произведения так называемого «медицинского текста» русской литературы XIX–XXI веков Вам особенно дороги и интересны?
2. Какие стихотворения Вам в первую очередь вспоминаются в этой связи? Приведите из них наиболее запомнившиеся Вам строки.
3. Что из Ваших собственных произведений относится к этой теме? Есть ли в Вашей судьбе серьезные «пересечения» с медициной?
4. Близок ли Вам делзевский поворот в решении темы «Критика и клиника»: писатель не больной, а врач; «литература — это здоровье».
5. Какой Вам представляется под этим углом зрения современная русская литература?

Ответы на эти вопросы некоторые участники круглого стола: петербургские писатели Андрей Аствацатуров, Алексей Грякалов, Сергей Кибальнич, Александр Мелихов и Сергей Носов — дали не только в краткой, письменной, но и в устной, развернутой форме. Другие: Евгений Водолазкин (Санкт-Петербург), Дмитрий Данилов (Москва), Анатолий Королев (Москва) — ограничились только первой из них.

¹ Материалы круглого стола, проведенного 21 октября 2021 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-18-00481, ИРЛИ РАН.

² См.: http://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2021/06/Programma_konf._meditsina.pdf.

В обсуждении проблемы также приняли участие литературоведы Сергей Шаулов (Москва), Сергей Оробий (Благовещенск), Владимир Захаров (Москва—Петрозаводск), Александр Кубасов (Екатеринбург), Алексей Семкин (Санкт-Петербург), Владимир Котельников (Санкт-Петербург).

Письменные ответы на эту писательскую анкету приводятся ниже.

Сергей КИБАЛЬНИК,
ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН,
доктор филологических наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета

Андрей Аствацатуров (Санкт-Петербург)

1. Л. Н. Толстой «Смерть Ивана Ильича», В. М. Гаршин «Красный цветок», А. П. Чехов «Хирургия», «Враги», Е. Г. Водолазкин «Лавр», П. Вадимов «Лупетта».

2. Белла Ахмадулина. «Озноб»:

Моей болезни не скучал сюжет!
В себе я различала, взглядом скорбным,
мельканье диких и чужих существ,
как в капельке воды под микроскопом...

К. Чуковский. «Айболит»:

У них, у бегемотиков, животики болят.

Н. Заболоцкий. «Смерть врача»:

И под каплями пота,
Через сумрак и бред,
В нем разумное что-то
Задрожало в ответ.

3. В книге «Скунскамера» я сделал попытку описать невроз, связанный с «неудобством культуры». Невыросший человек (ребенок) заперт в репрессивном мире инструкций и предписаний, в мире четырех школьных стен и однокомнатной квартиры, он стремится на волю. Но мир равнодушен, мало им интересуется, на вольном пространстве естественной жизни подстерегают опасности, хулиганы, всеобщая жестокость. И он стремится обратно в прежнюю тюрьму, понимая, что там его охраняют, но, оказавшись в тюрьме, снова хочет на свободу.

4. Да, в целом близок. Это продолжение главных идей Ницше. Литература не создается от болезни, с неврозами писать или невозможно, или сложно. Литература на стороне здоровья, когда в голове дух не противоречит телу, проблематика — поэтике, где все складывается в здоровую целостность.

5. Русская литература в большей степени старается этому противоречить, работая на разрывах, в тех опасных травматичных зонах, где преодоление формой болезни и поврежденности почти не представляется возможным.

Евгений Водолазкин (Санкт-Петербург)

1. Александр Солженицын. «Раковый корпус». Алексей Варламов. «Рождение».
2. Александр Галич. «Смерть Ивана Ильича»:

Пахнет в доме горькими лекарствами,
Подгоревшим давешним обедом,
Пахнет в доме скорыми мытарствами
По различным загсам и собесам.

3. Романы «Лавр», «Авиатор» и «Брисбен».
4. Писатель — такой же больной, как и все остальные. Просто он обладает способностью рассказывать о болезни.
5. Современная русская литература, скорее, избегает этих тем. Впрочем, порой болезнь становится фоном для невеселой действительности — как, например, в романе Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него».

Алексей Грякалов (Санкт-Петербург)

1. Говорить о дорогом, наверное, не приходится, а интересное — в плане герменевтики болезни и представлении переживаний болящего человека. Это «Смерть Ивана Ильича» и «Три смерти» Л. Н. Толстого. Интересное в том смысле, что то и другое показано изнутри (Inter-Esse) — понимание чувств и мыслей вслед представлению. Мартин Хайдеггер ссылается на «Смерть Ивана Ильича», что повлияло на его идею «бытия к смерти». И тут различие: для немецкого философа «пройти через смерть» означает — стереть все прежние представления и начать по-иному мыслить. А для Толстого это означает поиск мыслей в стремлении обрести смысл жизни и веры.

2. Это строчки Максимилиана Волошина о скитальцах в боли и исцеляющем прикосновении:

Я лежу сегодня — невралгия,
Боль, как тихая виолончель...
Ваших слов касания благие
И в стихах крылатый взмах качель
Убаюкивают боль... Скитальцы,
Мы живем для трепета тоски...
(Чьи прохладно-ласковые пальцы
В темноте мне трогают виски?)

И стихотворение Арсения Тарковского о больном ребенке, где в конце стремление взять за руку и вывести из болезни:

А в доме у Тарковских
Полным-полно приезжих,
Гремя посудой, спорят,
Не разбирают елки,

И сыплются иголки
В зеркальные скорлупки,

Пол серебром посолен,
А самый младший болен.

На лбу компресс, на горле
Компресс. Идут со свечкой.
Малиной напоили?
Малиной напоили.

В углу зажгли лампадку,
И веялку приносят,
И ставят на площадку,
И крутят рукоятку,

И сыплются обрезки —
Жестянки и железки.
Вставай, идем по краю,
Я все тебе прощаю.

То под гору, то в гору
Пойдем в другую пору
По зимнему простору,
Малиновому снегу.

Стихотворение Тарковского я привел полностью — помню его наизусть, оно очень дорого в моей личной жизни. И последняя строчка — знак поэтического свидетельствующего бесстрашия, где уже не нужна рифма — свободное представление события-вещи.

3. Пересечения с медициной в плане шизофреническом — пребывание персонажей в мороке навязчивых представлений, из которого рано или поздно стремятся выйти именно с помощью диагностики болезни. Ведь болезнь может поражать не только отдельного человека, но целый этнос или группу населения. Такой болезнью может быть национализм, где уже не могут выйти из навязчивого морока и взглянуть на себя с человеческой стороны. Скажу еще, что сегодня востребована именно этика человеческого вида. Как вернуться к ней из фантомного существования? Тогда на помощь приходят спасающие свидетели — так в моем романе «Раненый ангел» стяженно пересекаются персонажи ангелологии и фигуры-архетипы современных насельников Петербурга. А в романе «Найденыш в табаке, или Счастливый хохол» представлены невротические состояния, связанные с утратой языка, войной или забвением памяти и любви, где писатель выступает как диагност и заботник, хотя и у него нет окончательных рекомендаций, как прекратить войну там, где победа на одном уровне есть также и поражение на другом.

4. Творчество, конечно, — это здоровье. Может, лучше сказать, постоянное преодоление нездоровья или болезни. Тема «Гений и помешательство» или понимание творчества как «сладкой награды за служение дьяволу» лишь знак внимания к проблеме — перерыв постепенности в потерявшем обаяние письме.

И бесстрашие — вхождение в щели и затиски, как говорил Сигизмунд Кржижановский, смелость проникновения даже туда, где персонаж романа способен сказать о себе, что он «принцип убил». Писатель *может* быть врачом, но предназначение его в том, чтобы быть свидетелем, пребывая в опасной для него и героев сфере неопределенности и поисках утверждения.

5. В течение многих лет на «Радио России» вместе с писателем Дмитрием Кузнецовым и редактором Еленой Майзель мы ведем передачу «Литературная клиника». Записано около 60 передач с известными писателями и литераторами Петербурга, Москвы, Швеции, Польши, Швейцарии. И почти во всех передачах участникам был задан вопрос: «Какой музыкой вы лечитесь?» Никто не сказал о том, что ему лечение не требуется, словно бы изначально допуская болезненность. Музыку, конечно, называют разную — от классики и джаза до дворовых песен. Но никто не сказал и о том, что лечится ангельским пением или музыкой сфер. Вот эта тема «вселенской боли» существенно ушла из современной литературы, что проявляется наряду с прочим также и в том, что предлагаемые исцеления почти не касаются языка. Смотрят словно бы «сквозь язык» — смотрят и сквозь вселенскую боль. Такой безграничный бытовой, хоть часто и усиливаемый историей или модной метафизикой паноптикум. Восстановление значимости языка — один из путей исцеления. Современная русская литература может надеяться только на себя — в обществе она звучит все меньше и меньше, тем более что звучание слышимо в очень ограниченных сообществах. Перед кем писатель отвечает и перед кем ему может быть стыдно? Перед русской литературой.

Анатолий Королев (Москва)

1. Из так называемого *медицинского текста* русской литературы XIX—XXI веков у меня заглавной буквой стоит рассказ Александра Куприна «Чудесный доктор». Почему вдруг? Потому что он вовремя вошел в душу мальчика, причем внутри таинственной послевоенной упаковки, о чем я? Речь о диафильме и фильмоскопе.

Думаю, что сегодня эта экзотическая штукавина известна только людям моего послевоенного поколения. Фильмоскоп!

Мощный солнечный луч света из аппарата на стену в комнате был моим первым визуальным техническим потрясением, а диафильмы были на том фоне застиранной жизни чем-то сродни фантастической летающей тарелке инопланетян... замечу, диафильмы были строго ранжированы по шкале идеологии тех лет: герои — только полярные летчики, только пограничники, только богатыри из сказок, и вдруг непонятное прошлое... где-то до революции, зима, отец и дети в беде, которых выручает профессор Пирогов. Доктор!

Мы, школьники, боялись врачей больше, чем учителей и директора школы, послевоенное время разрухи и тотальная бедность провинции, корь, скарлатина, свинка, туберкулез были погодой тогдашней жизни, и врач в белом халате был почти что генералиссимусом советского бытия, генерал Мороз, я не ждал от него ни малейшего гуманизма! Город Молотов, где прошло мое детство после войны, был полон безруких калек и безногих фронтовиков, скальпель, микстура, ампутация, температура, болезнь, кашель, коклюш, микробы, дезинфекция, раны, санитария — вот словарь 1950-х годов, и вдруг сентиментальная история о доброте белого царства! История о киевлянах мальчиках Мерцаловых и их несчастном отце, о бедах бедной заснеженной штопаной-перештопаной жизни, о болезни дочери. И вдруг! Рецепт! Скорая помощь спасения! Надо же... Божество в белом халате способно тебя пожалеть и не рвать зуб щипцами без анестезии... сам же сентиментальный святочный — под Диккенса — рассказ Куприна с реальным прототипом — великим отцом анестезии Николаем Пироговым, прочитанный позже, не произвел на меня практически никакого впечатления — парадокс, — а вот его суть, квинтэссенция, сжатая до притчи немого цветного пятна, с краткими подписями внизу кадра, кино — из модного фильмоскопа — на белой стене запомнилась, как вижу, на всю жизнь...

реакцией на увлечение старшего брата разного рода микробами, палочками Коха, малярией и тифозными вшами.

Это же обращение к тараканьим бегам, к муравейнику ран и революций пережил и Булгаков, который отшатнулся от сифилиса (он практиковал как сифилидолог) в белизну Белой гвардии... страх микробов, паника перед заразой испанки и тифа, была, видимо, матрицей советского бытия, отсюда гимны анестезии и физкультуре, культ полярников и горных вершин.

Странно, что подобное увлечение белизной гор пережила и Германия накануне войны, вспомним, апофеоз горных фильмов о лыжниках, там стартовала, кстати, Лени Рифеншталь — муза триумфа и воли, альпинистка немецкого поднебесья...

Тут корни причинности вообще уходят в самую бездну.

Как-то однажды я листал от скуки альбом фотографий разных микробов, мир инфузорий туфелек и прочих оладушек был даже забавным, и вдруг зигзаг красоты, нечто невероятно магическое и жуткое, пантера среди овец! — опускаю глаза вниз, читаю: бледная спирохета, возбудитель сифилиса...

3. Один из моих последних романов «Дом близнецов» отчасти ложится в самую масть вашего вопроса о присутствии медицины в моих книгах, главный герой этого философского триллера — зловещий эскулап, владелец клиники инновационных лечений «Хегевельд», гений зловещей терапии лечения больных страхом и чарами мандрагоры, и хотя это всего лишь маска проблемы *отличия истины от подделки* (вспомним хиты Голливуда фильмы «Матрица» или «Бегущий по лезвию», где герой должен отличить *репликанта* от человека...), все-таки именно в медицинской облатке эта проблема смогла прозвучать в полную силу.

Личное и врачебное?

Да, в девять лет я угодил на операционный стол с диагнозом «аппендицит», в ту пору детям операции делали только под местной анестезией, без общего наркоза, и, лежа на столе, я с любопытством разглядывал в огромном бестеневом зеркале мальчика, в которого входит скальпель хирурга, и вот его кожа рвется, как вощеная бумага... ах, это же ты... и тут я теряю сознание.

Но никаких творческих побегов та история не имела.

Тут мы переходим уже к вопросу.

4. ...О формуле Делеза... *писатель не больной, а врач, литература — это здоровье...* На мой взгляд, оторвать боль от писательства нельзя, да и незачем, но и нарывы нам ни к чему, пожалуй, писатель — это тот, кто находится на пороге больницы, а именно больной в час выздоровления... литература — это не здоровье, а исцеление. Силь!

Помните у раннего Пастернака:

Весна, я с улицы, где тополь удивлен,
Где даль пугается, где дом упасть боится,
Где воздух синь, как узелок с бельем
У выписавшегося из больницы...

Вот эта ангельская синева густоты и чистоты, объятия ляпис-лазури и есть нужный тон писательства.

5. Под углом медицины современная русская литература... дайте подумать... во многом все-таки лишена *эмпатии*.

Эмпатия — есть осознанное переживание, но не в узком смысле как сострадание человеку, например, сострадание/жалость к своим стало опорой для суровости и строгости к чужим/другим и матрицей всех французских и прочих революций, нет, нет литература/бумага не должна иметь никаких последствий для человека, эмпатия есть

способность сопереживать любым эмоциональным состояниям бытия, а не только психики, например, дому, который боится упасть...

Вячеслав Куприянов (Москва)

1. «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого.
2. Александр Сумароков. «Последний жизни час»:

Я тленный мой состав расстроенный днесь рушу.
Земля, устроив плоть, отъемлет плоть мою,
А, от небес прияв во тленно тело душу,
Я душу небесам обратно отдаю.

- «Болящий дух врачует песнопенье...» — Евгений Баратынский.
«Я счастлива, что вы больны не мной...» — Марина Цветаева.
«Друг мой, я очень и очень болен...» — Сергей Есенин.
«Мама, твой сын прекрасно болен...» — Владимир Маяковский.

3. Из моего романа «Башмак Эмпедокла», Б. С. Г. — Пресс, 2013.

Обратившись к собранию сочинений Померещенского, поражаешься разнообразию предисловий. Одно из них написано личным врачом классика, мы узнаем, что вся жизнь классика была борьбой его богатырского здоровья с коварными болезнями, среди которых свинка и весенний авитаминоз, грипп более семидесяти раз, включая гонконгский, который начался еще в Ленинграде, а кончился уже в Петербурге.

Легкие венерические болезни обратили внимание чуткого больного к небесным телам, породив посвящение каждой планете. Очень не удавалась Померещенскому цинга, в поисках которой он неоднократно отправлялся к Северному полюсу, но так как командировки оплачивались Союзом писателей довольно скупо, приходилось скоро возвращаться в Москву, так ничего и не добившись. Но каждый раз рождался цикл поэтических миниатюр, руки поэта мерзли на морозе, и он успевал написать только миниатюры. Не везло ему и с тропической лихорадкой, хотя в джунглях он находился дольше, чем во льдах и в тундре. Померещенский даже подозревал, что пригласившие его аборигены что-то подмешивают в подносимую ему пищу, после чего его долго не брали вообще никакие болезни. Это и понятно, почему его так берегли, ведь для аборигенов он являлся единственным белым, которого они хотели видеть в своих дебрях. Из тропиков он привез ряд приключенческих повестей: «Белый среди красных», «Большой брат людоеда», «Суп из томагавка» и многие другие.

Влияние морской болезни на поэтическую ритмику раннего Померещенского исследовали стиховеды Института мировой литературы имени Горького, разойдясь в своих выводах с выкладками французских постструктуралистов школы Деррида. Последние полагали, что, скорее всего, именно ритмика создаваемого им текста влияла на состояние моря, а не наоборот.

Поздний Померещенский уже более ценил свое время и реже позволял себе морские путешествия, поэтому на его творчество больше влияла воздушная болезнь: от этого этапа читатель испытывал легкое головокружение, вызванное редкими падениями в воздушные ямы. Любовная лирика, где сквозь трезвый опыт обольстителя срывается вдруг в бездну неведомой юношеской страсти.

Но не только недуги и хвори сказывались на творчестве, но и наоборот. Померещенский создал жанр медитаций, например, всем известны его «Народные меди-

тации», затем «Милицейские медитации», «Медицинские медитации», «Медитации на пике славы», «Демомедитации», «Медиомы». Вот начало одной из них:

Посмотри вокруг себя
Посмотри на себя
Посмотри внутрь себя
А теперь изнутри
Посмотри на других
Посмотри на себя другими глазами
Посмотри на других глазами третьих
Посмотри на себя глазами других
глядящих в себя твоими глазами —

и т. д.

После сорока подобных строчек у поэта начиналась кессонная болезнь, и если бы не его знакомство с водолазным делом, ни один врач бы не догадался, что с ним происходит. А Померещенский сам поставил себе верный диагноз и повернул это состояние себе же на пользу: как только у него закипала кровь, он тут же прерывал медитацию и срочно писал обличительные трактаты: «Против буржуазии», «Против масонов», «Против гравитации» и тому подобное. Раскрывается и загадка оглушительного чтения собственных стихов нашим больным: он просто глушил подобным образом свою зубную боль. Зубы заговаривал.

Но в основном времени болеть не было, и только болезнь роста он считал для себя хронической.

4. Пожалуй, да!

5. Угол довольно острый. Скажем, такое явление, как Владимир Сорокин, который здоровью сознательно противопоставляет «гниение». И критика и издательская практика считает это явление подлежащим положительной оценке. Я полагаю, что литература, объявившая себя вне литературы, должна остаться за пределами литературы.

Александр Мелихов (Санкт-Петербург)

1. «Смерть Ивана Ильича».
2. «В больнице» Пастернака, особенно вот этот финал:

«О господи, как совершенны
Дела твои, — думал больной, —
Постели, и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворного дозу
И плачу, платок тебе.
О боже, волнения слезы
Мешают мне видеть тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознать.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр».

И еще вот этот стихотворный набросок молодого Пушкина:

За старые грехи наказанный судьбой,
Я стражду восемь дней, с лекарствами в желудке,
С Меркурием в крови, с раскаяньем в рассудке —
Я стражду — Эскулап ручается собой.

3. «Роман с простатитом». А в личной судьбе я много лет изучал и теорию, и практику психотерапии прежде всего применительно к проблеме самоубийства. Пришел к выводу, что главной их причиной является распад воодушевляющих иллюзий.

4. Я много лет доказываю, что художественная литература — важнейший метод психологической защиты от экзистенциального отчаяния. Моя книга «Под щитом красоты» проводит мысль, что каждый большой писатель и поэт создают собственный метод экзистенциальной защиты. У Пушкина это красота, у Гоголя юмор, у Лермонтова гордость, у Толстого естественность... Кратко пересказать невозможно.

5. Припоминается только «Я пел бы в пламенном бреду» Павла Мейлахса («Знамя», 2021, № 6). Очень ярко изображено маниакальное состояние.

Сергей Носов (Санкт-Петербург)

1. Наверное, можно назвать произведения, которые и «дороги», и «интересны», но к ним не подходит слово «особенно». Не замечал в себе (как читателе) интереса именно к «медицинскому тексту».

2. «Айболит» Корнея Чуковского, «Таракан» Николая Олейникова.

Сто четыре инструмента
Рвут на части пациента.
От увечий и от ран
Помирает таракан.

3. Есть у меня роман «Франсуаза, или Путь к леднику» (выходил в АСТ, в редакции Елены Шубиной). Там что-то вроде любовного треугольника: герой, его жена и некий неантропоморфный объект, которого герой называет почему-то Франсуазой. Так вот, Франсуаза — это его межпозвоночная грыжа. Герой с ней общается сначала как бы по необходимости, ну как бы заговаривает боль, потом привыкает к ней, у них что-то вроде любви-ненависти. Жена сначала это воспринимает как причуду мужа, с пониманием, потом ее эти отношения начинают доставать — вплоть до ревности. С ней связывается психотерапевт, заинтересовавшийся феноменом. Треугольник становится квадратом. Это все внешняя сторона, роман, по мысли автора, о другом, но что до антуража, там очень много «медицины»: грыжа, пиявки, аутизм, кома, легкое курильщика (групповое собиранье пазла в плане терапии табакокурения), Музей сангигиены, патологическая ревность и ее терапия, разговоры о боли, работа одного из героев над статьей на медицинскую тему, празднование Дня психотерапевта, «синдром Обломо-

ва», плюс отдельной линией — Индия: героиня мечтает отправить туда мужа к некому полумифическому целителю в надежде, что это избавит его от Франсуазы...

Что до творческих стимулов (всех интересовало, как я до такого додумался), тут просто. У меня однажды прихватило руку, обнаружили межпозвоночную грыжу, все это выбило из колеи. Вот тогда и подумал, что надо извлечь хоть какую-то пользу из негативного опыта: пока мне родная жена делала уколы, я изобретал героя и его жену, ну а Франсуаза была под рукой (в руке)... Тут любопытно вот что (и мне самому — в плане «психологии творчества»): это не опыт изживания недуга, не опыт вербализации проблемы (самолечения), но другое: попытка обмануть обстоятельства, извлечь из них пользу: ага, ты меня так (грыжа), ну так вот тебе, съела? То есть в своем недуге я увидел что-то трагикомичное, парадоксальное, «рифмующееся» со всякими реалиями нашими и пожелал извлечь максимум из этого опыта. С попыткой выхода, конечно, на большие темы (пониманию Франсуазы недоступные). Писали, что это единственный роман в мире о межпозвоночной грыже. Что, думаю, правда.

4. Всяко бывает, в сочинительстве нет универсальных законов. «Писатель как таковой — не больной, а скорее врач — врач самому себе и всему миру». Ну да, не хочется спорить. Но бывает, и врач делает себе операцию (известны случаи). И вообще, медики могут быть разными. Патологоанатомы тоже есть. Врачебная специализация, вообще говоря, продуктивная тема. Тут можно фантазировать до бесконечности. Врач так врач. Делезу виднее. Но почему или врач, или пациент? По мне, писатель — это больничный сторож с ярко выраженной (вплоть до патологии) эмпатией.

5. Специнтернат с погашенными окнами, о существовании которого все забыли.

Дмитрий Данилов (Москва)

Пару лет назад я написал большое стихотворение, которое само по себе, как мне представляется, отвечает на большую часть вопросов этой анкеты.

ДОКТОР ГОВОРИТ

В одной хорошей песне поется
Будет белая палата
Будет добрый взгляд врача
Так и тут, так и тут
Белая, в общем, палата
Не полностью белая
Но много белых элементов
И взгляд у врача
У доктора
Добрый, доброжелательный

Доктор говорит
Мы местно обезболим
Место разреза
Введем катетер через сосуд
А перед воздействием на сердце
Введем еще обезболивающее
Внутривенно

Доктор говорит
Общий наркоз здесь не нужен

Это лишнее
Операция в целом безболезненная
Вреда от общего наркоза
Больше, чем пользы
Не могу сказать
Что вы ничего не почувствуете
Но это, в общем
Совсем не больно

Доктор говорит
Ну, все волнуются
Конечно, волнуются
Что делать
Это ничего

Доктор говорит
На выходные
Я вас отпускаю домой
Напишите заявление
У сестры на посту
В воскресенье вечером

Возвращайтесь, не поздно
А в понедельник утром
Мы вас прооперируем
Вы второй в очереди
С утра ничего не ешьте

Выходные прошли, как в тумане
В субботу зачем-то поперся в Ногинск
На стадион «Автомобилист»
На футбол
Тупо смотрел
Как ногинское «Знамя»
Громит «Лобню» 5:0
В подмосковной зоне
Третьего дивизиона
Из разговора болельщиков узнал
Что в составе «Знамени»
Играет Роман Павлюченко
Есть (был) такой футболист
Хотя почему был, он есть
И вот он играет
За команду «Знамя» Ногинск
Подмосковной зоны
Третьего дивизиона

Это было уже во втором тайме
Ближе к его концу
Как только пришло осознание
Что вот этот игрок
Это Павлюченко
Его заменили
Так и не удалось
Насладиться его игрой

Как-то это все тупо было
Завтра в больницу
Павлюченко
«Лобня»
Разрез
Местное обезболивание
«Знамя» Ногинск
Катетер
Стадион «Автомобилист»
Воздействие электрических импульсов
На сердце
Пять ноль
Обезболивание внутривенно
Яндекс-такси
Станция Фрязево
Электричка
Темнеет
Станция Реутово
Домой
Завтра в больницу

Усталая после ночного дежурства
Медсестра
Подкатила каталку
Громко произнесла фамилию
И слова в операционную
И поехали, поехали

Доктор говорит
Вставайте на эту ступеньку
Садитесь на стол
И аккуратно ложитесь

И все началось

Как тут было не вспомнить
Стихотворение Б. Пастернака
О том, как он, Б. Пастернак
Чуть не умер
От сердечно-сосудистого заболевания
Как его привезли в больницу
Положили в коридоре
Потому что в палатах
Не было мест
Как он понял, что, похоже
Не выйдет живой
Из этой переделки
Как он увидел в окне
Освещенную отсветом городских огней
Стену
И ветку клена
И восславил Бога
И Его творения
О Господи, как совершенны
Дела Твои, думал Б. Пастернак
И дальше у него идет
Перечисление объектов

Хочется сказать Б. Пастернаку спасибо
За то, что он это написал
Потому что все так и есть
Читал это стихотворение
Примерно тысячу раз подряд
И теперь понятно почему
Или непонятно

О Господи, как совершенны
Все вот эти вещи
Как совершенна
Вот эта зеленая тряпочка
Которая висит перед лицом
Чтобы не видеть того
Что происходит там, внизу
Как совершенен разрез
В области паха
Как совершенно

Введение катетера в сосуд
И сам катетер
Как совершенно продвижение катетера
Сквозь организм к сердцу

Доктор говорит
Сейчас начнется воздействие

Как совершенен
Звуковой сигнал аппарата
Сопровождающий воздействие
Как совершенна легкая боль
В области грудной клетки
Во время воздействия
Как совершенны слова доктора
Мы сейчас поменяем инструмент
И поработаем над другими участками
Чтобы исключить
Вероятность рецидива
Как совершенно воздействие
Новая легкая боль
И ее завершение

Это сейчас
Можно вот так написать
Как совершенно то и это
Тряпочка, разрез
Воздействие
И легкая боль
А тогда думалось
Господи, Господи
Когда же все это кончится
Сколько же еще будет
Гудеть и пищать аппарат
Сколько еще будет
Этих циклов
Сколько еще будет
Возникать и прекращаться
Эта легкая боль
Которая уже
Не совсем и легкая
Господи, Господи

А сейчас-то, конечно
Можно уже писать
Что-то вот такое

Ну так и Б. Пастернак
Свое стихотворение
Свое великое стихотворение
Написал не в коридоре
Боткинской больницы
А то ли через три
То ли через четыре года
После описываемых событий

Доктор говорит
Мы закончили
Достигли результата
К которому мы стремились

Доктор говорит
Послезавтра выпишем вас
Можно будет ходить
Ездить в поездах
Летать на самолетах
В общем, жить
Обычной жизнью
Только сегодня полежите
Желательно неподвижно

Лежать неподвижно
В сумерках
В полутьме
В темноте
Слышать
Как по Большой Пироговской улице
Еле слышно проезжает машина
И как по Бережковскому мосту
Еле слышно грохочет
Поезд «Ласточка».

Сергей Кибальчич (Санкт-Петербург)

Свои ответы на вопросы настоящей анкеты писатель Анатолий Королев (Москва) предварил небольшим обращением ко мне: «Ваши анкеты просто замечательны и по неожиданности тем и глубине, и в, по сути, правильном вопросе уже половина ответа...»

Не уверен, что дело и в самом деле обстоит именно так. Однако ободренный комплиментом Анатолия Васильевича, я решил завершить настоящий опрос моими собственными ответами на эти вопросы. Тем более что я тоже много читал, размышлял и даже кое-что писал на эту тему.

1. Мне особенно дорог и интересен в этом плане Чехов. Больше всего, конечно, его своего рода alter ego в «Чайке» доктор Дорн — сдержанный и холодноватый, но не-

безразличный — всех выслушивающий и поддерживающий, но, разумеется, никого не способный спасти — таков был уровень тогдашней медицины.

А также один из самых «теплых» чеховских образов — доктор Самойленко из повести «Дуэль».

В моем сознании последний как бы слит с обликом одного из моих самых любимых актеров Анатолия Папанова (в экранизации этой повести 1973 года И. Хейфицем «Плохой хороший человек» он «зажигал» вместе с Олегом Далем — Лаевским и Владимиром Высоцким — Фон-Кореном).

2. Поскольку многие мои коллеги уже привели немало замечательных стихотворений и отдельных строк из нашей старой доброй русской поэзии, то я хотел бы вспомнить здесь стихотворение не самого известного, но все же очень интересного современного поэта Анны Лексиной.

Тем более что оно совсем свежее и вдохновлено не самыми веселыми, но самыми что ни на есть свежими новостями:

ЭТЮДЫ КОРОНАВИРУСНОЙ ПОРЫ

Дым родимый — коромыслом, в печке — правила игры.
Привыкая к новым смыслам, мир летит в тартарары,
Виртуальность — панацея, прятки от самих себя,
Просто жить всегда труднее, даже сложности любя.

Заново читать учиться, создавать словами твердь,
В сказке можно заблудиться, в жизни — та же круговерть.
Прививать толпе короны, собирая урожай
Всех чудесно исцеленных, цифровой встречая рай.

Хороводы снежных масок, расслоение эпох,
Если жить вдали от сказок, может, мир не так уж плох,
Но чем дальше, тем страшнее, под ногами пустота...
Победить болезнь сумеет рыцарь чистого листа.

3. Наверное, потому что я не так уж много — если считать только художественные произведения — написал, не так уж много относится и к этой теме. До последнего времени у меня чаще звучало ощущение невосполнимой потери от ухода близких. Например, в прозаическом триптихе «Песок прошлого»³.

Впрочем, «коронация», процедуре которой в последнее время, сами того не желая, подверглись многие мои современники, неожиданно сподвигла меня на небольшой стихотворный цикл, из которого приведу лишь заключительное стихотворение. Я написал его как раз в своеобразном «батле» с поэтессой Анной Лексиной:

В ожиданье невирусных дней,
В наблюдении солнечных зайцев
Эта жизнь побежит веселей,
Если бурь и невзгод не бояться.

Этой жизни достаточно знать,
Что ее ты ценить научился.
И тогда — она будет сиять
И в глазах твоих счастьем лучиться!

³ Нева. 2018. № 12. С. 103–108. <https://magazines.gorky.media/wp-content/uploads/2019/11/10-KIBALCHICH.pdf>.

И еще не мешало бы ей
Только в том бы хотя убедиться,
Что не будешь сильнее и сильнее,
В чем совсем не виновен, виниться.

Что и теле-, и просто козлам
Придавать ты не будешь значенья,
Будто это невиданный храм, —
То печальное лишь добавленье
К чашке чая и горстке печенья.
Разве это пример злосключения?

В ожидании невирусных дней
Стоит постараться не истратить понапрасну вирусные,
Может быть, наконец-то позвонить тем, кому так давно собирался,
Пока еще для этого достаточно тех средств связи,
Которые обеспечивают нам наши мобильные старухи-процентщицы: :(

Привет — привет! Посмотри наконец на своего старого знакомого,
Хотя бы только мысленно дорисовывая его черты,
Пока для этого еще вовсе не обязательно оглядываться
В прошлое...

4. Здесь многое на самом деле, как мне кажется, зависит от перспективы. Делезовский поворот близок мне, как кому? Высказывания на сей счет писателя, читателя и исследователя вряд ли могут быть одинаковыми.

Хорошо, если читатель отвечает: да, близок. Как читатель и исследователь Достоевского, я недавно выпустил едва ли не целую книжку, в которой доказывал, что Достоевский не больной, а врач⁴.

Писатель же, наверное, должен отвечать на этот вопрос так, как ответил мой коллега по Пушкинскому Дому, замечательный писатель Евгений Водолазкин:

«Писатель — такой же больной, как и все остальные. Просто он обладает способностью рассказывать о болезни».

Или как другой замечательный петербургский писатель Сергей Носов:

«По мне, писатель — это больничный сторож с ярко выраженной (вплоть до патологии) эмпатией».

5. Не стану скрывать, что внутренне солидарен с некоторыми из грустных упреков, высказанных в ее адрес выше. Однако не хочу сам делать ей подобные.

На меня и иные из произведений Сорокина или Пелевина производят целительное воздействие.

И кроме того, в эту же самую современную русскую литературу входят и те замечательные писатели, которые ответили на эту анкету раньше меня.

⁴ Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры. Коллективная монография. Отв. ред. С. А. Кибальник. СПб.: ИД «Петрополис», 2021.